

Петр Дмитриевич Боборыкин

Труп

Петр Боборыкин
Труп

«Public Domain»

1892

Боборыкин П. Д.

Труп / П. Д. Боборыкин — «Public Domain», 1892

«Тропинка заворачивала все вправо и манила в густеющую тень старых развесистых елей. Ашимова и Крупинский шли медленно, останавливались на ходу, как любят делать русские. Он – коренастый, русский, с большими бакенбардами, в поярковой темной шляпе, в клетчатом летнем костюме, ниже среднего роста...»

© Боборыкин П. Д., 1892

© Public Domain, 1892

Содержание

I	5
II	8
III	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Боборыкин Петр Дмитриевич

Труп

I

Тропинка заворачивала все вправо и манила в густеющую тень старых развесистых елей.

Ашимова и Крупинский шли медленно, останавливались на ходу, как любят делать русские. Он – коренастый, русский, с большими бакенбардами, в поярковой темной шляпе¹, в клетчатом летнем костюме, ниже среднего роста. На левой щеке у него было крупное родимое пятно с волосами. Она – почти высокая, для женщины, плечистая и пышная брюнетка, в светлом батистовом платье, без шляпы, под зонтиком. На лбу, широком и загорелом, курчавилась челка. Коса, густая и блестящая, лежала закругленным концом на твердой шее, тоже загорелой. Нос и рот неправильные, немного резковатые; но в общем лицо – красивое и скорее чувственное. Из-под длинных ресниц выглядывали возбужденно и смело синева-серые, чисто русские глаза.

Девушка шла крупным шагом. Ее спутник старался идти с ней в ногу. Они были одного роста.

– И вы теперь, Лидия Кирилловна, – продолжал он разговор, начавшийся у опушки леса, десять минут перед тем, – вы находитесь в периоде инкубации?

– Чего?

Она негромко рассмеялась.

– Инкубации-с.

– Что это такое?

– Извольте притворяться. Вы девица умственная, и страшные слова вам знакомы... Инкубация значит назревание, высиживание, правильнее выражаясь.

И он засмеялся. С ней он любил говорить в шутиливом тоне и в этом же исключительно тоне, еще не так давно, ухаживал за нею, предлагал и руку. Она отделилась также шутками. Между ними установилось, в последнее время, приятельство, и они часто искали случая говорить, без свидетелей, на прогулках, о самых интимных своих делах.

– Высиживание, – повторила Ашимова, наклонив голову в сторону, точно она искала цветка в придорожной густой траве.

– А разве термин не точен?... А?... Разумеется, инкубация. Этак, знаете, красивее звучит. Помните, и гётевский Фауст², в первой картине, когда проделывает ученую чертовщину, то вскрикивает по-латыни: *Incubus! Incubus!*

– Какая у вас дьявольская память, Крупинский... Настоящий прокурор!

– Вы это сказали с таким выражением, точно в мыслях своих употребили слово: сыщик. Что ж! От вас мне ничто не в обиду. Обтерпелся, Лидия Кирилловна, когда ходил по вашим пятам, в звании претендента, и посягал на матримониум.

– Полно, посягали ли как следует? – спросила девушка, подняв на него длинные ресницы, и лукаво улыбнулась своими большими серыми глазами.

– Вот те крест, посягал!.. Знаете, это болезнь такая. Наш брат, холостяк, подвержен ей бывает в период от тридцати до тридцати пяти лет, когда у него начинает сосать под ложечкой при виде всякой благообразной отроковицы.

---

¹ ...в поярковой темной шляпе... – т. е. в шляпе, сотканной или сваленной из поярки – шерсти с овцы первой стрижки, ярки.

² ...гётевский Фауст <...> вскрикивает по-латыни: *Incubus! Incubus!* – См.: Гете И. В. Фауст, ч. 1, карт. 1.

– Стало, я была для вас – *всякая*, Крупинский?

Она остановилась и взялась нервной рукой с тонкими пальцами без перчатки за низкий сук дерева.

– *Всякая! всякая!*. Не извольте придирайтесь. Как это для самолюбия моего ни обидно, но я вам и декларацию делал... по всем пунктам.

– Не помню, чтобы вы пришли и сказали просто: хотите, Лидия Кирилловна, быть моей женой, или письмо бы написали.

– Писать нельзя! Это документ-с!

Крупинский детски рассмеялся, и его карие и узкие глаза слезливо заискрились.

– Вы говорили... экивоками... А что, если б я тогда взяла да и сказала: согласна!.. Вот поймались бы, ха-ха!

Смех ее зазвучал возбужденно, но не простодушно. Она была поглощена совсем другим, тем, о чем они начали дружески говорить с самой опушки леса.

– Поймались бы, это точно... Во-первых, я убеждаюсь, что у меня для супружеской жизни нет самого главного свойства, – он подмигнул и сказал как бы в сторону, – вам с этой психологией надо, в первую голову, ознакомиться в настоящий момент.

– Какое же это свойство? – перебила она с оттенком задора, часто звучащим в ее тоне, даже когда она и не спорила, а спорить она вообще любила.

– Какое? – медленно переспросил Крупинский. – Вот какое-с: способность нести тягло...

– Это общее место, Крупинский!

– Нет-с! Извините! Тягло употребляю я не в виде пустой метафоры, вместо «уз», «ярма» и прочих образных выражений, а в прямом значении – в мужицком: тягло есть выполнение совместной жизненной задачи; это – паевое товарищество, во всем и во всякую минуту – вот что я хочу сказать... И на такой подвиг, да еще с обязательством выполнять его всю жизнь, я не гожусь... Под влиянием временного умопомрачения думал, что способен на него, а теперь отрезвел.

– Ну, а во-вторых! – допрашивала она, и в ней как будто заговорило уязвленное чувство красивой девушки, которой человек, увлекавшийся ей, шуточно говорит о своем теперешнем нежелании жениться. Она не верила его полной искренности, хотя и не считала его ни фальшивым, ни склонным к рисовке.

– Вы не забыли, значит, что я сказал: «во-первых»? В женщине это удивительно! Дальше «во-первых» ни одна из вас никогда нейдет в своей аргументации... Во-вторых – продолжаю я – после тридцати пяти лет, холостяк если не поймался, то делается фанатиком своей свободы, так называемой, прибавлю я, свободы, ибо свобода эта, в сущности, свобода скуки или... или...

Он искал слова; губы его повела усмешка.

– Да говорите же! – нетерпеливо крикнула Ашимова.

– Слово-то... самое прокурорское: или распутства... Ну, а теперь у меня, в месте моего служения, подобралось общество довольно сносное: мужчины, не глупенькие, – произнес он тоненьким голоском, – барыньки, не вредненькие...

– Не вредненькие! Вот как вы смотрите на женщин; а еще морализируете! Не вредненькие! В каком же это смысле?

Ее загорелые, немного полные и твердые щеки начали быстро розоветь.

– В каком смысле?... Да в разных. Это значит: ни рожи, веселые, добренькие, не гнушаются нашим братом.

– И вы к ним, ко всем, относитесь, как закоренелый холостяк? Они для вас – дичь; а вы – хищник... Разумеется!

Девушка сделала жест головой, смелый и немного сердитый. Глаза ее стали темнеть.

– Я-то хищник? Побойтесь Бога, Лидия Кирилловна! Только бы меня самого не обижали! Ну, разговоры ведем, о чувствах, конечно, а иногда и о принципах... Без этого нельзя – сами

знаете... В дружбу играем; но чтобы насчет расторжения уз – ни Боже мой!.. И без того уж про людей моей профессии слагается такая легенда, что как, мол, куда-нибудь в непечатый угол русской территории ни явятся – сейчас пойдет перетасовка, умыкание чужих жен, разные комбинации законного и полузаконного характера на почве семейственных прав и преимуществ! Нет-с, я как на исповеди вам скажу – до сих пор этим не занимался, а считая студенческие годы, состою в звании молодого человека уже больше пятнадцати лет... Но и в нашем захолустье, и везде, где я только ни служил, это поветрие все сильнее и сильнее забирает. Люди моей профессии вряд ли больше других особ мужского сословия грешат в расторжении семейных уз; но вообще это сделалось уже не эпидемическою болезнью, а эндемическою, как в Петербурге тиф или дифтерит.

Они вышли на лесную полянку. Направо навалено было несколько сосновых бревен, и свежее дерево отливало приятным изжелта-розоватым цветом своих стволов, лежащих горкой.

– Присядем, – сказала Ашимова и указала рукой на бревна.

Ей не хотелось продолжать разговор все в таком же тоне. Балагурство приятеля начинало раздражать ее. Он, точно нарочно, не желает откликнуться, мягко или резко, это уж его дело, на то, что она, с такой прямою, сейчас открыла ему, во что ушла теперь вся...

II

Солнце, сильно спустившееся к закату, глядело сквозь сизо-зеленую листву нескольких осин и темнеющую, почти черную, хвою елей. Его лучистая полоса легла на стан девушки, севшей на бревно.

Ее спутник прилег на мураве сбоку и отмахивался веткой от мошек, роившихся вокруг них, предвещая такой же ведреный день и на завтра.

– Иван Захарыч, – начала Ашимова более низкой нотой, звуком певицы с сильным *mezzo-soprano*, – оставим все это ненужное резонерство!

– Рассудительство, – поправил он.

– Что еще?.. Вы все с вашими словечками!..

– Это я, недавно, в мемуарах одного поэта прочел такое слово. Превосходное слово! Рассудительство, – медленно и вкусно повторил Крупинский.

– Ну, хорошо. Но довольно... Вы друг мне или нет?..

– Друг, друг!..

– Бросьте этот тон! Вы видите, что тут дело идет о жизни двух существ.

– Трех.

– Как трех? – почти наивно переспросила она и откинула на плечо свой полосатый зонт.

– А как же? Вы *ее*, стало быть, не считаете?

– Кого?

– Да жену!..

Две-три секунды она помолчала, и тотчас же складочка залегла на ее переносицу, где густые брови, светлее волос на голове, почти сходились.

– Жену!.. Это само собой разумеется!

– Нет, не само собой.

– Да кого же вы слушаете, Крупинский? Вашу приятельницу Ашимову? Ее судьба вас интересует, или какая-то женщина...

– *Какая-то!* Я с таким определением не согласен, Лидия Кирилловна.

– Ах ты, Господи! – она вся всколыхнулась, – да вы не на заседании суда, вы не заключение даете.

– Нет-с, заключение. Вы хотели потолковать со мною по душе, значит, выслушать мое дружеское мнение... А то из-за чего же бы вы стали говорить?.. Чтобы заявить, что, мол, так-то и так-то я поступаю и желаю дальше поступать. Только для *констатирования* факта, как у нас курьер один выражается?

– Крупинский! Я так не хочу! – в голосе девушки задрожали нервные звуки. – Это слишком серьезно!..

– А я не серьезно говорю.

– Вы только придираетесь.

– Почему?

Крупинский немного приподнялся и прислонил спину к бревну. Лицо свое он держал вполоборота. Усмешка не сходила с его толстоватых губ; но взгляд был совсем не веселый; искреннее настроение сквозило в выражении его ущемленных умных глаз.

– С какой стати вы пристегнули ту?

– Жену? Вам это слово, Лидия Кирилловна, точно поперек горла стало... Нехорошо-с!

– Без прописей, пожалуйста!

– Не хорошо, повторю я, друг мой – не хорошо! Вы будете говорить, что я «приказный с прописью», но я возьму пример из сферы гражданского права. Вы желаете вступить с господином Икс в формальный договор...

– Сейчас и договор!..

– А то как же? – Крупинский резко обернулся к ней всем туловищем. – Да что же мы, дети с вами или полоумные?.. Извините меня! Как же не договор? Положим, он у нас не перед нотариусом и не перед господином мэром заключается; но ведь если вы меня пригласите в шафера, мне отец дьякон подаст книгу и я там распишусь: «по невесте – коллежский советник Иван Захаров сын Крупинский». Так или нет?

– Ну, так; а потом что?

– Следственно, это акт, да еще притом таинство, а не что-либо иное. Ведь вы не желаете быть только подругой господина Икса? Позвольте мне римский термин?.. Его *конкубиной!*..³ По-русски это звучит гораздо хуже.

– Знаю!..

Складочка на переносице девушки обозначилась резче.

– Стало быть, вы желаете заключить договор; но для этого вам надо расторгнуть другой договор господина Икса, уже существующий и для него обязательный.

– Почему же я его расторгаю?

– А то кто же? Вы причина, вы повод. Ведь если б он вами не увлекся, ничего такого бы не случилось? Вы, значит, употребляя термин Спинозы, *natura natu-rans*, а человек, вами увлеченный, – *natura naturata*...⁴ Так или нет?

– Увлечение – если это увлечение, а не настоящая любовь – с обеих сторон.

– Положим, с обеих. Но повод все-таки вы. Вы сами говорили мне и писали раньше, что господин Икс уже производил на вас нападения, в виде элегических и бравурных арий, когда вы его еще не любили?

– Разве я виновата?

– Все мы виноваты в чем-нибудь, Лидия Кирилловна. Вы не виноваты в том, что красивы и даровиты, и можете вызывать страсть; но тут не *двое*, повторяю я, завязаны в дело, а *трое*. Чтобы способствовать расторжению, и притом насильственному, существующего договора, вы, как честная девушка, должны убедиться в том, что та-то сторона – в старом-то договоре – действительно несостоятельна, что господин Икс жертва, что никаких печальных последствий от такого расторжения ни для нее, ни для других существ не предстоит. Одна ли она?.. Вы до сих пор мне ничего не говорили... Или есть плоды этого союза?

– Есть, – тихо, но почти жестко выговорила девушка.

– Ай-ай! И не один плод?

– Целых трое.

– Стало, уже шестеро душ завязаны в дело?.. И можно так, как немцы говорят: «*mir nichts, dir nichts*»⁵, – резнуть по живому месту и выбросить из колеи несколько человеческих существ? Славно! Знаете, когда я был гимназистом, меня ужасно восхищали песенки Беранже в переводе Курочкина... И один припев засел у меня в голове на веки веков:

Вот они, вот – неземные создания —
Барышни, тра-ла-ла-ла!⁶

Неземные создания. Это точно... Ничем земным не смущены, когда им чего захочется!

---

³ *Конкубина* (конкубинка) – в Древнем Риме сожительница, не пользующаяся гражданскими правами законной супруги; положение конкубинки считалось позорным и потому недопустимым для римской матроны; здесь: любовница, содержанка.

⁴ *Natura naturans* <...> *natura naturata* – основные понятия философской системы Б. Спинозы (1632–1677), нидерландского философа-материалиста: *natura naturans* – порождающая природа; *natura naturata* – порожденная природа.

⁵ Ни мне, ни тебе (нем.).

⁶ «Вот они, вот – неземные создания...» – цитата из стихотворения П. Ж. Беранже (1780–1857) «Барышни» в переводе В. Курочкина.

– С какой же стати, Крупинский, вы вообразили, что девушка, как я, пойдет на такой шаг «mir nichts, dir nichts»? Я знаю, что этот союз – вы так громко выражаетесь – не может продолжаться. Разве только тот договор можно расторгнуть, где кто-нибудь оказался недобросовестным, формально нарушил его? Господи! Да коли нет больше любви?.. Нет и понимания в ней. Да, нет! Это две натуры, ничем не связанные, кроме обузы обязательных отношений. Он – артист, с головы до пяток, ему нужна женщина – на высоте его таланта и его судьбы; а она – просто насадка, ограниченная, тошная, кислая, больная. Она не годилась бы для мужа и в сиделки, будь он старик, а не человек, полный сил. Щеки ее уже пылали. Она говорила сильно, сочными нотами, и грудь ее слегка вздрагивала от избытка волнения.

– И все это вы знаете доподлинно или в устной передаче господина Икса?

– Кто же вам давал право считать его лжецом? Да и от десятка посторонних лиц я слыхала то же самое.

– Значит, решение назрело, и все, что я вам скажу, будет бесплодно? – Он протянул руку. – Не сердитесь и дайте ручку. Все это прекрасно, Лидия Кирилловна, только смотрите, не перешагните через труп...

– Через труп?

– Я это не в прямом, а в образном смысле... Не перешагните через нравственный труп живого существа, не загубите души, которой вы сами не видали... Да и я тоже, к сожалению!..

III

Дачная жизнь была уже позади. На дворе стоял петербургский сентябрь, но еще светлый и теплый, хотя месяц подходил к концу.

В легкой кофточке возвращалась Ашимова домой, по набережной Фонтанки.

Она шла ускоренным шагом, и положение головы показывало, что она озабочена.

Ей не хотелось опоздать, прийти после того, кого она ждала к себе, около трех.

Больше недели они не видались. *Он* уехал в Москву, прислал оттуда две депеши, ничего не говорившие об успехе их «дела». Сегодня он должен был вернуться с курьерским, но просил не встречать его на вокзале.

Она любит в нем эту деликатность и осторожность. Он желает, чтобы для всех она была девушка с незапятнанной репутацией. От всяких поездок за город, в увеселительные места, и летом, и прошлой зимой, от троек и даже ресторанов он воздерживался; а любил повеселиться. Этим он прямо показывал, что готовит ее себе в жены, а не в «конкубины», как выражался ее приятель Крупинский.

Тот на службе, в своей провинциальной трущобе, пишет ей редко, как будто дует на нее: они простились там, на даче, по варшавской дороге, куда он приезжал только для нее, не особенно нежно. Может быть, она сама была виновата. Но говорить с ним по душе – значило спорить или выслушивать его резонерство. Правда, он объяснял свои прокурорские допросы и заключения – дружбой к ней, боязнью, чтобы она, увлекшись, не пошла на какое-нибудь «нехорошее дело».

И выражение «дело» не выходит у ней из головы, как только она начнет думать о своей судьбе.

Вот и теперь дело, должно быть, не очень двинулось в Москве. Там он съехался с их адвокатом, возвращавшимся из Крыма. Оба они, каждый по-своему, должны были подействовать окончательно на жену, на тошную Анну Семеновну.

Каждый раз, когда она думает об этой женщине – а думает она о ней всякий день, иногда по несколько раз, – она представляет ее себе угловатой, костлявой, с желчевыми пятнами на лбу и на щеках, в кацавейке, или сером вязаном платке и стоптанных туфлях, с запахом камфарного спирта и валерьяны, плохо причесанной, полуседой, вероятно, полулысой...

Но она не видала никогда ее портрета, даже простой карточки. *Он* не показывает, и у него на квартире, куда она стала заходить только с весны, нигде ее портретов нет. И это ее прельщает. Все та же деликатность сказывается в его поведении. Он не хочет, чтобы она имела повод, хоть в пустяках, ревновать к его прошлому.

Разве можно ревновать к *такому* прошлому? Он женился почти мальчиком, чуть не на втором курсе университета, на ровеснице. В такие годы всякая девчонка, будь в ней хоть что-нибудь сносное: глазки, или голосок, или наивность, ласка – кажется Лаурой Петрарки или тургеневской Асей. Ровесница тогда – теперь она его на десять лет старше: так всегда бывает для женщины, да еще замужней, с болезнями, с троими детьми... Кажется, и еще были дети, только не жили.

И когда она перебирает все это, ей ничуть не жаль ни женщины, ни матери, ни жены, а ведь она не считает себя ни злой, ни бездушной... В семье, в гимназии, в консерватории – она целых двенадцать лет училась в разных заведениях – ее любили, она слыла и слывет отличным «товарищем», давала всегда взаймы, оказывала всякие услуги: сколько народу пользовались ее добротой! Вспыльчива, резка – да, и не мало историй имела с начальством – учителями и профессорами; обидчива чрезвычайно, спорщица, задорна, самолюбива – все что угодно, но не бездушна, не сухая эгоистка. Этого никогда не было и не будет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.